

В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для XX века тем же, чем был Жуковский для века XIX.

А. Ахматова

В 2016 году исполнилось 130 лет со дня рождения М.Л. Лозинского, выдающегося поэта, переводчика, одного из создателей отечественной школы поэтического перевода. В записной книжке А. Блока сказано об одном из ранних переводов Лозинского: «Глыбы стихов высочайшей пробы». В архиве Лозинского хранится письмо от Б. Пастернака. Борис Леонидович пишет, что не стал бы переводить «Гамлета», если бы знал, что за перевод уже взялся Лозинский...

Читатель часто не замечает фамилии переводчика. Сами переводчики, кажется, ни разу не подсчитали, что успел Лозинский количественно. Между тем, подсчёт поучителен. Михаил Леонидович стал переводчиком-профессионалом в тридцать три года. За тридцать пять лет он перевёл 80 000 стихотворных строк и 500 печатных листов прозы. Лозинский был энциклопедистом и полиглотом, знал 9 языков!

Родился Михаил Леонидович Лозинский 8 (20) июля 1886 года в Гатчине. В 1904 году окончил 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, а затем и университет. Огромные энциклопедические знания

М.Л. Лозинский

позволили ему быть с 1913 по 1917 год сначала секретарём, а затем и редактором журнала «Аполлон». Параллельно с 1914 года, М.Л. Лозинский работает библиотекарем и консультантом в Публичной библиотеке, а с 1916 по 1937 годы является заведующим отдела изящных искусств там же. После Октябрьской революции Лозинский активно сотрудничает с М. Горьким в издательстве «Всемирная литература».

Очень серьёзно заболев в 1930 году, Михаил Леонидович находит в себе силы бороться с болезнью, и та временно отступает, оставив ему сильнейшие головные боли, сопровождавшие его все оставшиеся 20 лет жизни.

Друг Н. Гумилёва, О. Мандельштама, А. Ахматовой, в 1932 году арестованный и условно осуждённый на три года по стандартному обвинению в антисоветской пропаганде, М.Л. Лозинский становится классиком советской школы перевода, основой которой была переводимость и точность. За эту-то точность перевода, изменение роли подстрочника, высокую образованность и безупречный вкус друзья называли его Петронием, в честь римского поэта, обладавшего теми же качествами.

Как вспоминала А. Ахматова, характерной чертой характера Лозинского была верность. Верность оригиналу, – высшая похвала для поэта- переводчика.

О верности отца своим друзьям и знакомым людям вспоминает и дочь Михаила Леонидовича, Наталья Михайловна, говоря, что он помогал очень многим людям, не афишируя этого. А насколько М. Лозинский ценил такую верность и по отношению к нему друзей, и свою верность к оригиналу перевода, – можно судить по воспоминаниям литератора И. Ивановского, в разговорах с которым Лозинский сравнивал перевод с ходьбой на яхте. Смысл этого сравнения в том, что можно лавировать, ловя ветер, но это далеко от курса. А можно идти почти против ветра, выдерживая курс. И следует стараться идти только таким курсом!

Ещё в 1930 году Георгий Иванов в одной из парижских газет заявил, что переводы Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова –

«детский лепет и жалкая отсебятина» рядом с переводом М.Л. Лозинского. И он не сомневался, что переводы Лозинского будут оценены по достоинству, как будет оценён этот тонкий, умный, блестящий человек...

Дочь Лозинского Наталья Михайловна вспоминает также о том, что отец был безукоризненно аккуратен, тщателен и щепетилен во всех отношениях. И ей навсегда запомнились его уроки обращения с книгой, которую надо брать только чистыми руками и листать с верхнего правого угла. Характерна и такая деталь: Лозинский никогда не употреблял ни ручек, ни карандашей, – только перо. Он считал, что «пока макаешь перо в чернила, мысль длится».

В 1942 году М.Л. Лозинский спецрейсом был вывезен из блокированного Ленинграда в Казань. К этому времени он уже работал над переводом «Божественной комедии» Данте Алигьери, за которую был удостоен в 1943–1944 годах Сталинской премии 1-й степени. Умер М.Л. Лозинский 31 января 1955 года. Однако реабилитация его состоялась только в 1989 году, через 34 года после смерти мастера.

Мне, как актёру Санкт-Петербургского Домашнего Любительского театра, захотелось рассмотреть образ Гамлета в зависимости от использования переводчиками различных слов, фраз и эпитетов, передающих их воздействие на слушателя и читателя.

Толчком же к такому сравнению послужили слова одного из актёров в воспоминаниях В. Гиляровского: «Гамлет – первый Дании боец, а не неврастеник в трусиках». Вот с этой точки зрения я и стал рассматривать все три родившихся образа. Поэтому, взяв за основу перевод Гамлета М. Лозинского, я сравнил этот перевод с более ранним переводом К. Р.² (как человека военного) и переводом Б. Пастернака. Однако сначала обратим внимание на высказывание самого М.Л. Лозинского о задачах, которые он ставил своим переводом:

«1. Точное воспроизведение словесной ткани подлинника, поскольку это позволяют средства русского языка.

Поэтическая равноценность каждого русского стиха стиху подлинника, т.е. того звучания, которое некий ряд слов делает именно стихом, живущим полной жизнью. Это идеал вряд ли достижимый, но качество перевода стоит в прямой зависимости от приближения к нему...

² К.Р. – великий князь Константин Романов, поэт.

Стремясь передать всё то, что есть у Шекспира, ни в чём его не обедняя и притом именно так, как это есть у Шекспира, не подменяя его поэтики какой-либо иною, переводчик должен в то же время ничего к нему не добавить, не вводить в свой текст разъяснений или скрытого комментария, а паче украшений в своём вкусе.

Если бы существовал идеальный перевод, то сравнённый с подлинником, он являл бы то же содержание, выраженное в той же форме, и был бы при этом во всех своих элементах художественно равноценен оригиналу...

Но различие в строе языков делает невозможным такое, мы бы сказали зеркальное отражение одной поэзии в другой...

Стих, свободный от рифмы и не включённый в структурный остов строфы, не перестаёт от этого быть стихом, т.е. замкнутым смысловым и звуковым целым, все элементы которого органически связаны между собой и друг друга определяют...

Существует наивное мнение, будто белый стих есть некая аморфная масса, по произволу растяжимая, и что поэтому, переводя Шекспира белыми стихами, в них можно уложить всё сказанное Шекспиром, ничем не жертвуя, и таким образом дать совершенный русский.

Шекспир писал стихами, и мы хотим услышать по-русски стихи Шекспира...

Если в предлагаемом читателю переводе «Гамлета» столько же стихотворных строк, сколько в английском тексте ... это лишь следствие отношения к внутренней жизни каждого стиха и желания по возможности адекватно передать все те элементы – смысловые, стилистические и ритмические, – из которых она слагается...

Другой заботой переводчика было в какой-то мере отразить лексику Шекспира, его исключительно богатый словарь, избыточный редкими, иной раз архаичными, иной раз впервые созданными речениями <...>».

Для лучшего понимания смысла приводимого отрывка, я буду предварять разбор слов и словосочетаний, используемых каждым из переводчиков, давая текст в переводе Лозинского.

Первый раз мы встречаемся с Гамлетом после сообщения друзьями о появлении Призрака. «И если вновь он примет вид отца, // Я с ним заговорю <...>». В переводе М.Л. Лозинского Гамлет относится к сообщению с некоторой долей сомнения, что выражается в употреблении словосочетание «вид отца». У К.Р. Гамлет не сомневается в том, что это его отец, а у Б. Пастернака сомнения

усиливается использованием слова «образ» вместо «вид»: «<...> Твой образ так загадочен, что я // К тебе взываю <...>».

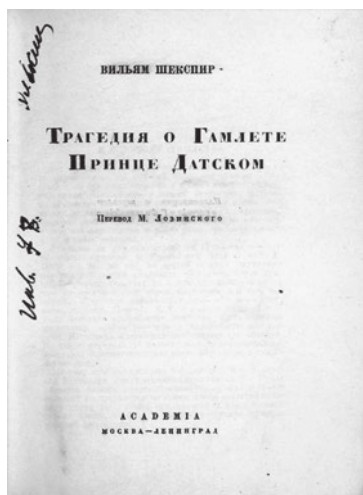
После появления Призрака перед Гамлетом, тот обращается к нему с ноткой опасения и философского скепсиса, употребляя слова «образ» и «загадочен». В то же время К.Р. применяет словосочетания, в которых мы чувствуем любовь сына к отцу. Это: «обаятелен твой» и «вид». У Пастернака же Гамлет обращает внимание на внешние проявления этого чуда, применяя слова «озадачен» и «явлением».

Теперь рассмотрим поведение Гамлета, когда Призрак манит его за собой, и обращение героя к не пускающим его к Призраку друзьям и охране.

«Мой Рок взывает, <...>. // Пустите. Я клянусь, сам станет тенью, кто меня удержит <...>».

Хочется обратить внимание на разное впечатление на читателя и слушателя слов «Рок», «Судьба» и «Голос Судьбы». Если слово «Рок» звучит, как нечто неминуемое, то слово «Судьба» более нейтрально. А «Голос Судьбы» вообще оставляет ощущение чистой повествовательности. Примерно то же впечатление производят словосочетания: «станет тенью» и «станет призраком». Хотя у Пастернака из-за использования фразы «в Духов превращу», – звучание более решительное.

Но вот Призраком произнесены прощальные слова, и потрясённый Гамлет запоминает и записывает то, что услышал: « <...>

Книга «Гамлет» (1937) в переводе М.Л. Лозинского.

М.Л. Лозинский и А.А. Ахматова.
Фрагмент рисунка
С. Городецкого.

Стой, сердце, стой, // И не дряхлейте, мышцы, но меня // Несите твёрдо <...>».

У М. Лозинского использованные словосочетания характеризуют смятённость Гамлета, более выразительно чем, — «Тише, сердце» и «не разом одряхлейте, мышцы» у К.Р., и — «Не подгибайтесь подо мною ноги» у Б. Пастернака.

«<...> О, пагубная женщина! // Подлец, улыбчивый подлец, подлец проклятый!». Эти яркие строки принадлежат перу М. Лозинского. К.Р. же использует в этом случае эпитеты «порочная» и «изверг». И если «пагубная» и «порочная» ещё близки по смыслу, то «Женщина-Злодейка» и «Низость» (это у Б. Пастернака) меняет смысл достаточно сильно, так как подразумевает элемент сознательности, особенно в отношении женщины.

А вот как Гамлет говорит о

Призраке друзьям: «И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио».

У К.Р. изменён строй фразы, а у Б. Пастернака звучание изменено до неузнаваемости, — «Гораций, есть в мире кой-чего, что вашей философии не снилось».

Но вот звучит самый знаменитый монолог — «Быть иль не быть...». Обратим на него пристальное внимание.

«Быть или не быть, — таков вопрос; // Что благородней духом — покоряться // Працам и стрелам яростной судьбы // Иль, ополчась на море смут, сразить их // Противоборством? Умереть, уснуть, — // И только; и сказать, что сном кончаешь // Тоску и тысячу природных мук, // Наследье плоти, — как такой развязки // Не жаждать? Умереть, уснуть. — // Уснуть! И видеть сны, быть может? // Вот в чём трудность; // Какие сны приснятся в смертном сне, // Когда мы сбросим этот бранный шум, // Вот что сбивает нас; вот где причина // Того, что бедствия так долговечны <...>, // Когда б он сам мог дать себе расчёт // Простым кинжалом? Кто

бы плёлся с ношей, // Чтоб охать и потеть под нудной жизнью, // Когда бы страх чего-то после смерти, – // Безвестный край, откуда нет возврата // Земным скитальцам, – волю не смущал, // Внушая нам терпеть невзгоды наши // И не спешить к другим, от нас сокрытым? // Так трусами нас делает раздумье <...>».

Некоторые критики отмечали, что «Быть или не быть» у М. Лозинского относится не «к жить или не жить», а «действовать или бездействовать». И только в середине монолога возникают связанная с логическими построениями нерешительность Гамлета и размышления о смерти. М. Лозинский почти не даёт герою сомневаться, а неуверенность исчезает в конце монолога. Кроме того, не следует забывать о том, что люди во времена В. Шекспира были в некотором роде «фаталистами» веря, что их жизнь в руках Бога, а душа бессмертна.

У К.Р. Гамлет сначала решителен, затем сомневается и к концу произведения неуверенность рассеивается. М. Лозинский употребляет в самых первых строках такие словосочетания, которые несут оттенок былого, погружая нас в словарный мир далёкого века. К.Р. же использует слова современного ему времени, которые, как мне думается, оставляют менее сильное впечатление, чем словосочетания М. Лозинского.

Б. Пастернаку с его приближением текста к современности приходится зачастую использовать дополнительные пояснения, и звучит этот текст так, как будто разговаривают люди нашего времени, а не герои прошедших веков. Вот Гамлет видит молящегося убийцу отца, и на первый взгляд кажется, что герой в нерешительности, но всмотримся в его фразы. И окажется, что движущей силой Гамлета является не сомнение в праве на убийство, а лишь желание надёжней выполнить поручение, данное ему отцом. «<...> Здесь требуется взвесить. Отец мой гибнет от руки злодея; // И этого злодея сам я шлю на Небо. // Ведь это же награда, а не месть! Отец сражён был в грубом пресыщении, // Когда его грехи цвели как май; <...> // Назад, мой меч, узнай страшней обхват; // Когда он будет пьян, или во гневе, <...> // Тогда его сшиби, // Так, чтобы пятками брыкнул он в небо. // И чтобы душа была черна как ад, // Куда она отправится. – // Мать ждёт. // – То лишь отсрочку врач тебе даёт».

У М. Лозинского мы видим такие словосочетания, как: «требуется взвесить», «награда, а не месть <...>». У К.Р. же используются слова более нейтральные, например, – «обдумать надо», «О! То награда, милость, но не мщенье!». Пастернак же употребляет та-

Дом № 73/75 по Каменноостровскому проспекту, где в квартире № 26 жил с 1915 г. М.Л. Лозинский.

Мемориальная доска на фасаде дома № 73/75 по Каменноостровскому проспекту.

кие современные словосочетания, как: «Так ли? Разберём»; «это ведь награда, а не мщенье <...>». И далее совсем уж не то, что понимал создатель Гамлета: «Тогда подбрось его ногами вверх, чтоб кубарем, весь чёрный от пороков, упал он в Ад»; «Поцарствуй. Отсрочка это лишь, а не лекарство».

Всё ближе развязка, и нарастает решимость Гамлета. Привожу отрывок из перевода М. Лозинского: «Готовят письма два моих собрата, // Которым я как двум гадюкам верю, // Везут приказ; они должны расчистить // Дорогу к западне. Ну что ж пускай; // В том и забава, чтобы землекопа // Взорвать его же собственной миной; плохо будет, // Коль я не вруюсь глубже них аршином, // Чтоб их пустить к луне; есть прелесть в том, // Когда две хитрости столкнутся лбом!».

Уже «готовят письма» писцы Клавдия, и бывшие друзья должны приглядывать за Гамлетом. И уже принято решение самим Гамлетом, который, как настоящий воин, находит забавным взорвать «землекопа» его же «миной». И получает удовольствие от того, что «две хитрости столкнутся лбом!». К.Р. же применяет более современные словосочетания: «минёр», «свесть хитрость с хитростью в упор в одно мгновенье». Пастернак идёт ещё дальше, и уже не письма, а «грамоты», не «землекоп», а «подрывник», и произойдёт «переполох, когда подвох наткнётся на подвох». Любопытна даже разница в глубине подкопа, который замысливает Гамлет. У М. Лозинского это «аршин», у К.Р. – «фут», а у Б. Пастернака – «ярд». То есть – 0,7 м., 0,3 м. и 0,9 м. соответственно.

Но вот Горацио получает письмо от Гамлета о нападении пиратского судна: «<...> Видя, что у нас слишком малый ход, мы поневоле облеклись храбростью, и во время схватки я перескочил к ним; в тот же миг они отвалили от нашего судна, таким образом, я один очутился у них в плену».

Если М. Лозинский использует фразы: «облеклись храбростью» и «во время схватки», «я перескочил к ним», то К.Р. пишет, что «поневоле пришлось прибегнуть к храбрости», и далее описывает действия Гамлета теми же словами. У Пастернака корабль Гамлета сам «атакует» пирата с «вынужденной отвагой», и появляется слово «абордаж», во время которого Гамлет «перескакивает на борт корсара».

А вот какими эпитетами характеризует Гамлета Клавдий в разговоре с Лаэртом, замышляя избавиться от него чужими руками: «<...> Он беспечный, Великодушный, чуждый всяким козням, // Смотреть не станет шпаг <...>» // Наточенный клинок <...>».

М. Лозинский сознательно идёт на замену слова «рапира» на слово «шпага», сохраняя ритм английского звучания. Хотя с точки зрения специалиста-фехтовальщика такая замена не совсем верна, и в дальнейшем тексте используется слово «рапира». У К.Р. же, как у человека военного, расшифровка более подробна: «Прямой, беспечный, чуждый подозренья, // Рапир осматривать не станет он. <...>. // Клинок без пуговки <...>». Пастернаку же приходится быть многословным: «Как человек беспечный и прямой, и чуждый ухищрений», и далее: «подмените тупую с предохранителем <...> голый боевой». И это при том, что текст должен быть стихотворным, а не прозаическим.

И вот уже схватка в могиле Офелии. И у М. Лозинского, и у К.Р.: «Плоха твоя молитва», у Б. Пастернака же – «Учись молиться». Смысл совершенно разный. И далее: «Прошу тебя, освободи мне горло. // Хоть я не желчен и не опрометчив, но нечто есть опасное во мне, чего мудрей стеречься. Руки прочь!». У К.Р. примерно тот же смысл: «Прошу, руками не дави мне горла. Хоть и не гневен я и не горяч, но что-то есть опасное во мне, чего страшиться должен ты. Прочь руки!».

Всё это похоже на слова прошедших веков.

А у Пастернака опять более современно: «Горла не дави. Я не горяч, но я // Предупреждаю – Отчаянное что-то есть во мне. // Ты, право, пожалеешь».

Но вот Гамлет рассказывает Горацио о подменённом письме: «<...> Накинув мой бушлат, я вышел из каюты и в потёмках //

Михаил Лозинский

Стал пробираться к ним; я разыскал их, // Стащил у них письмо и воротился // К себе опять; // И был настолько дерзок – // Приличий страх не ведает, – что вскрыл // Высокое посланье; <...> // Мне прочь снесли бы голову».

У М. Лозинского это: «бушлат», «приличный» и прочее. К.Р. же применяет словосочетания: «морской плащ», «пристойность» и т.д.

В переводе Пастернака встречаются слова и фразы: «плащ», «храбрясь со страху», «забывши стыд» и другие современные словосочетания. Хочется обратить внимание читателя на слова «храбрясь со страху», и «забывши стыд», что в корне

меняет образ Гамлета, делая его именно «неврастеником». И возникает большой вопрос, как этот «неврастеник» соглашается на поединок с более сильным противником, пусть и с небольшой форой?

Как же поступает с обнаруженным письмом Гамлет? «Итак, кругом опутан негодяйством – // Мой ум ещё не сочинил пролога, // Как приступил к игре, – я сел, составил // Другой приказ, переписал красиво <...>».

У М. Лозинского главный герой «опутан негодяйством»; встречаются слова и времен В. Шекспира, вроде «пролога» и пр. У К.Р. «негодяйство» заменено на «злодейство», «пролог» – на «вступление».

У Пастернака использованы такие словосочетания, как: «опутанный сетями», «роль не подыскал», «мысль играла» и т.п. Думается, что читатель сразу уловит значительно большую выразительность слов и словосочетаний, применённых М. Лозинским, чем и отличается его перевод от переводов К.Р. и Пастернака, тем более, что у последнего рассказ носит скорее повествовательный характер.

Но вот выясняется, что совершено убийство королевы, и Гамлет на правах сына тут же распоряжается: «О злодеянье! – Эй!

Закройте двери! Предательство! Сыскать!». Это у М. Лозинского, а в переводе К.Р. распоряжение звучит, пожалуй, более решительно: «О злодеянье! – Эй, двери на замок! Измена! Разыщите где!». И совершенно «беззубо» звучит пастернаковский перевод: «Средь нас измена! – Затворите двери. Найти концы!».

А узнав от Лаэрта, что всё подстроено, Гамлет, ничуть не сомневаясь, наказывает убийцу сначала оружием, а затем и отравой: «Клинок отравлен тоже! Ну, так за дело, яд!»; «Вот блудодей, убийца окаянный. // Пей свой напиток. Вот тебе твой Жемчуг, // Ступай за матерью моей!». Примерно так же звучит перевод К.Р.: «Клинок отравлен также, так к делу же отрава!»; «Проклятый любодей, король – убийца. Вот, пей до дна, // Твоя жемчужина не там ли? Ступай за матерью моей!». А у Пастернака всё звучит за счёт многословия как бы замедленно. Попробуйте сами произнести – «Как? И рапира с ядом? Так ступай, отравленная сталь по назначенью!» и: «Так на же, самозванец – душегуб! Глотай свою жемчужину в растворе! Марш, к матери моей!».

Думается, что я, пользуясь подробным разбором текста, сумел убедить читателей, что Гамлет – действительно боец, каким и задумывал его В. Шекспир. Следует также упомянуть, что перевод М. Лозинского вначале вызвал недовольство критиков. Возможно, это было связано с тем, что это был первый вариант. Впоследствии М. Лозинский несколько раз оттачивал его. И ещё недовольство было вызвано тем, что Лозинский очень сильно «погрузился» в язык В. Шекспира, тогда как в то время (1930-е годы) требовался современный язык, который и использовал в своём переводе Пастернак. Однако время расставило всё по своим местам.

«Можно сказать, что в смысле близости к оригиналу в соединении с хорошим языком и строгостью формы перевод М. Лозинского идеален. Это и театральная форма, и книга для чтения», – писал Б.Л. Пастернак о переводе «Гамлета» своим коллегой М.Л. Лозинским.